

Уголовно-правовые гарантии достоинства человека и развитие биотехнологий

М. В. Арзамасцев

Для цитирования: Арзамасцев М. В. Уголовно-правовые гарантии достоинства человека и развитие биотехнологий // Правоведение. 2022. Т. 66, № 1. С. 19–42.
<https://doi.org/10.21638/spbu25.2022.102>

В статье рассматриваются вопросы влияния прогресса биотехнологий на изменение уголовного права. Автор приходит к выводу о том, что соматические права не образуют новое поколение прав человека, а обогащают содержание достоинства личности. В силу естественного характера этих прав они могут регулироваться правом лишь в малой степени, что ограничивает и возможности введения запретов. Уголовное право должно решать задачи по установлению гарантий достоинства личности. В связи с этим необходима более четкая регламентация таких обстоятельств, исключающих преступность деяния, как согласие потерпевшего и обоснованный риск. Необоснованным следует признавать введение уголовной ответственности за такие случаи применения биотехнологий, в которых отсутствуют признаки злоупотребления. Научный прогресс порождает неопределенность в применении отдельных норм уголовного права, а это требует совершенствования правил назначения наказания и исчисления сроков давности уголовного преследования. Учитывая сказанное, проведен анализ необходимости криминализации новых разновидностей деяний против личности, введения ответственности за преступление в отношении искусственных органов, а также органов и тканей, отделенных от человека; рассмотрены вопросы уголовно-правовой оценки противоправных деяний с эмбрионами человека; сделан вывод о важности включения генетической информации в охраняемую уголовным законом сферу тайны частной жизни. Анализ векторов развития уголовного права показывает невозможность эффективного сдерживания запретами отдельных способов самоопределения личности. Российский законодатель в этом вопросе проявляет разумную сдержанность. При дальнейшем совершенствовании уголовного закона недопустимо использование конструкции формальных составов преступлений. В качестве же криминообразующих признаков запрещаемых деяний могут быть как объективные характеристики (способ медицинского вмешательства, причиняемый вред), так и субъективные — мотив, цель (например, проведение операции по смене пола в противоправных целях). Это позволит уголовному праву не вставать на пути биотехнологического прогресса, помогая медицинскому законодательству определять некоторые границы. В статье также анализируются нормы уголовного законодательства, положения международных конвенций, практика конституционного судопроизводства.

Ключевые слова: биотехнологии, достоинство личности, гарантии прав человека, криминализация, соматические права.

1. Введение

Стремительное развитие биотехнологий закономерно порождает запрос на совершенствование правового регулирования новых возможностей и возникающих по их поводу общественных отношений. Для права как формализованного

Арзамасцев Максим Васильевич — канд. юрид. наук, доц., Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; m.arzamastsev@spbu.ru

регулятора скорость трансформации является серьезным вызовом. В частности, к этой сфере применима оценка, сделанная В. Д. Зорькиным для столь же динамично совершенствующихся компьютерных и коммуникационных процессов, что «en masse люди не успевают за происходящими изменениями в эпоху цифровизации, не могут адекватно воспринимать происходящие изменения, в том числе и в праве»¹. Как следствие — возникает отрицательное отношение к новому. Еще более острые противоречия биомедицинский прогресс влечет в сфере уголовного права, дополнительной причиной чему служит специфика этой отрасли. Она традиционно носит консервативный (до определенных пределов — консервирующий) характер, пытаясь защитить уже существующие ценности, а также отличается ретроспективностью, предполагающей учет прошлого опыта в оценке опасности появившихся (проявившихся), но не будущих деяний. Соответственно, требуется оценка перспектив развития уголовного закона с учетом не останавливающегося прогресса биотехнологий.

2. Задачи уголовного права в связи с развитием биотехнологий

2.1. Появление новых технологий в первую очередь ставит вопрос о задачах уголовного права, о необходимости выбора между запретом пока еще не отработанных способов изменения биологических свойств человека и запретом на отказ специалистов в применении новых методов при наличии объективных или субъективных потребностей пациентов.

Статья 2 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ) первой задачей этого Кодекса² определяет охрану прав и свобод человека и гражданина. В связи с этим для конкретизации задач уголовного закона необходимо оценить изменения, порождаемые современными биотехнологиями в системе прав человека. Еще 20 лет назад В. И. Крусс ввел в российский научный оборот категорию личностных, или соматических, прав человека, связав их с распоряжением своим телом³. Эта идея была позитивно поддержана исследователями⁴, а подобные права человека стали включаться в новое (четвертое) поколение⁵, хотя отдельные специалисты и критикуют признание соматических прав человека⁶.

Для целей настоящей статьи представляется несущественной дискуссия о том, должно ли четвертое поколение прав человека включать только биотехнологические, или соматические, права, только информационно-технологические права, либо оно должно объединять первые и вторые, например, в конвер-

---

¹ Зорькин В. Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 12.

² Здесь и далее (если не оговорено иное) правовые акты и судебная практика приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Крусс В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–51.

⁴ См., напр.: Лаврик М. А. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. С. 16–26; Старовойтова О. Э. Соматические права человека — новое направление в юридической науке // Теория государства и права. 2017. № 4. С. 79–81.

⁵ См., напр.: Абашидзе А. А., Солнцев А. М. Новое поколение прав человека: соматические права // Московский журнал международного права. 2009. № 1 (73). С. 69–82; Ананских И. А., Чернова О. Ю. Соматические права в системе прав человека // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 12. С. 11–17; Кокамбо Ю. Д. Соматические права человека как новое поколение прав личности // Вестник Амур. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 68. С. 82–85.

⁶ См., напр.: Джугарян А. Нравственная утопия современного конституционализма: государство и традиционные ценности в условиях глобализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4. С. 60.

гентно-технологическом подходе, который, как показывает В. А. Долин, учитывает движение науки «вглубь материи», включает нано-, био-, инфо- и когнитивные технологии, определяет четвертое поколение прав человека как права на самостоятельное использование современных и будущих возможностей конвергентных технологий для воздействия на собственное тело (в рамках актуальных и потенциальных ограничений)⁷. Важнее оценить степень содержательной новизны таких правочужих и их место в системе прав человека.

Представляется, что выделение соматических прав как нового поколения включает в себя внутреннее противоречие. В частности, сторонники этой идеи признают, что «во все времена некоторые люди полагали себя вправе распоряжаться собственной жизнью, здоровьем, телом, как им заблагорассудится»⁸, и относят соматические права к группе естественных прав⁹. Однако законодатель не способен создавать естественные права, которые существуют до и помимо государственного признания. Означает ли это новизну?

По оценке Е. М. Красовой, биомедицинские технологии затрагивают фундаментальные основы функционирования человеческого организма, при изменении которых может необратимо преобразиться сама природа человека¹⁰. И. В. Гончаров обосновывает принципиальную новизну соматических прав с появившейся благодаря достижениям биомедицинской науки возможностью человека улучшать себя как биологический организм на основе соответствующих морально-этических норм¹¹. Однако это (хотя и с иными средствами) имело место и раньше.

Так, известная оценка антрополога Маргарет Мид связывает начало истории человеческой цивилизации с первым успешным заживлением перелома бедренной кости, что требовало в первую очередь помощи близких, без которой любое живое существо с подобной травмой погибло бы¹². С того момента человек постоянно стремился выйти за пределы биологических ограничений своего организма, а человечество научилось продлевать жизнь, изменять ее качество своевременно проведенными трепанациями черепа, акушерскими вмешательствами, применением лекарств, улучшать внешность в соответствии со специфическими для каждого социума представлениями о прекрасном, дополнять возможности организма протезированием и иными методами. Поэтому права по распоряжению своим телом или его улучшению вряд ли можно признать принципиально новыми.

Как правильно пишет Ю. И. Бытко, права, например, на телесную неприкосновенность, репродукцию потомства даруются человеку in potential от рождения в силу принадлежности к биологическому типу homo sapiens, и это его естественные права. А вот их нравственное оправдание, правовое обеспечение

⁷ См.: Долин В. А. Концепт «четвертое поколение прав человека»: опыт философско-антропологического обоснования // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 7–10.

⁸ Крусс В. И. Философия современного конституционализма // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. М.: Летний сад, 2010. С. 234.

⁹ См.: Старовойтова О. Э. Юридический механизм реализации и защиты соматических прав человека и гражданина в Российской Федерации (историко-правовой и теоретический анализ): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. С. 12; Гончаров И. В. Новые векторы в развитии естественных прав человека // Вестн. Ун-та Прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 6 (74). С. 18–20.

¹⁰ См.: Красова Е. М. Субъект права техногенной цивилизации в свете философии В. С. Соловьева и И. А. Ильина // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2017. № 1. С. 98.

¹¹ См.: Гончаров И. В. Новые векторы в развитии естественных прав человека. С. 18–20.

¹² URL: <https://www.adme.ru/zhizn-nauka/oglushitelnye-slova-antropologa-margaret-mid-o-tom-pochemu-vazhno-pomogat-drug-drugu-v-tyazhelye-vremena-2330115/> (дата обращения: 30.09.2020).

(гарантированность) и реализация в жизни исторически разные¹³. К примеру, Федеральный конституционный суд Германии признал общее использование результатов генной инженерии (в том числе при распространении генетически модифицированных материалов) затрагивающим сферу защиты естественных основ жизни¹⁴.

Критикуя отнесение к новому поколению прав человека информационных прав, В. Д. Зорькин отмечает, что они являются лишь новыми проявлениями свободы самовыражения и прав на уважение частной и семейной жизни, которые по своей сути и природе не изменились, обогатившись по содержанию в связи с развитием систем передачи информации¹⁵. Равным образом нельзя считать новыми и соматические права. Например, М. А. Лаврик относит к ним право на смерть, права человека в сфере распоряжения своими органами и тканями, сексуальные, репродуктивные права и право на перемену пола¹⁶. Действительно, возможностей определения своего генома, пересадки органов, экстракорпорального оплодотворения или перемены пола еще век назад не было. Однако они расширяют содержание таких вполне традиционных прав, как право на жизнь и охрану здоровья. Не имея представлений о генетических закономерностях, человечество интуитивно вырабатывало практики уголовно-правового запрета инцестов. Без выделения репродуктивных прав в самостоятельное поколение и без признания правосубъектности эмбриона уголовное право устанавливало повышенную ответственность за убийство беременной (приравнивая его по наказанию к убийству двух лиц), а также оценивало насильственное прерывание беременности или утрату репродуктивной функции как признаки тяжкого вреда здоровью. До сексуальной революции существовала и уголовно-правовая охрана половой свободы и неприкосновенности, в том числе с отнесением беременности жертвы к тяжким последствиям изнасилования¹⁷. Даже операции по перемене пола появились не как самоцель или некое улучшение природы человека, а как медицинский ответ на существовавшие у отдельных людей проблемы гендерной идентичности.

Более того, Е. М. Красова на примере уже ставших стандартными процедур, таких как переливание крови, пересадка костного мозга, операции по трансплантологии, цитологические исследования, ультразвуковое внутриутробное исследование плода и др., прогнозирует рутинизацию многих биомедицинских технологий¹⁸. Многие медицинские манипуляции очень быстро теряют признаки новизны. Если отдельные виды медицинского вмешательства успели стать предметом уголовно-правовых споров, как это было, к примеру, с абортами или эвтаназией, то другие получили признание, не создав поводов для дискуссии о необходимости запретов и разрешений. Их естественный характер сразу был оценен и в обыденном, и в профессиональном правосознании. Лишь в отдельных социальных группах сегодня отрицается правомерность переливания крови, трансплантации и иных медицинских процедур.

---

¹³ См.: *Бытко Ю. И.* Основание криминализации // Вестник Саратов. гос. юрид. акад. 2016. № 4. С. 191.

¹⁴ Избранные решения Федерального конституционного суда Германии. М.: Инфотропик Медиа, 2018. С. 123.

¹⁵ См.: *Зорькин В. Д.* Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации. С. 9.

¹⁶ См.: *Лаврик М. А.* Конституционные основания соматических прав человека: вопросы теории и практика зарубежных государств // Сибир. юрид. вестник. 2006. № 1 (28). С. 44.

¹⁷ П. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности».

¹⁸ См.: *Красова Е. М.* Субъект права техногенной цивилизации в свете философии В. С. Соловьева и И. А. Ильина. С. 97.

Вместе с тем, хотя человечество движется в сторону признания допустимости все большего количества видов медицинского вмешательства, данный процесс идет в разных странах неравномерно. Это можно рассмотреть на примере отмены уголовно-правовых запретов абортов. Так, в Новой Зеландии отмена уголовной ответственности за них произошла только в марте 2020 г.¹⁹, а в Ирландии, применительно к Конституции которой ЕСПЧ признавал отсутствие гарантированного Конвенцией о защите прав человека и основных свобод права женщины на прерывание беременности²⁰, — после проведенного в 2018 г. референдума²¹. Сдержанный вывод отдельных авторов о необходимости конституционной защиты жизни человека на дородовой стадии без признания конституционной правосубъектности эмбрионов приводит их к обоснованию привлечения женщины к ответственности за поставление в опасность жизни плода²². Дискуссия в определенной степени осложняется тем, что расширение круга признаваемых прав (в том числе репродуктивных прав отца) означает их включение в коллизию прав матери на достоинство, жизнь и охрану здоровья с потенциальным правом на жизнь еще не родившегося ребенка.

Сегодня биомедицина со всей очевидностью еще не достигла предела научных открытий, и поэтому важно отметить, что вряд ли есть необходимость каждую новую возможность реализовывать через отдельное, самостоятельное право. Для правового регулирования нередко достаточно понять существо происходящих процессов.

Даже введение понятия синтетической биологии, которая позиционируется как постнаука, дающая возможность познания и проектирования новых, не существующих еще в природе биологических функций и систем²³, не порождает принципиально новых постбиологических или надбиологических прав человека. Остается футуристическим видение, что биотехнологическая революция «агрессивно продолжит техно-эволюционную линию развития и приведет уже в недалеком будущем к необратимым процессам трансформации нашей человеческой (постчеловеческой) сущности»²⁴. Древнегреческий парадокс корабля Тесея применительно к дальнейшему развитию биотехнологий предполагает разрешение вопроса о том пределе, после которого обновленный, улучшенный биомедициной человек начнет утрачивать свою сущность или приобретает новую.

Сегодня в тех ситуациях, когда без применения биотехнологий (например, без пересадки органа) имеется угроза жизнедеятельности организма, правовая система вполне успешно может регулировать возникающие отношения, опираясь на категории права на жизнь и охрану здоровья, пусть даже и меняя свой подход к моментам начала жизни, физиологическим и иным характеристикам индивида. В тех же случаях, когда нет опасности для здоровья (например, при реализации сексуальных или гендерных прав), затрагивается физическая или психическая неприкосновенность личности.

---

¹⁹ URL: https://tass.ru/obschestvo/8021825?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 30.09.2020).

²⁰ Информация о Постановлении ЕСПЧ от 16.12.2010 по делу «А, В и С (А, В and С) против Ирландии» (жалоба № 25579/05).

²¹ URL: https://www.newsru.com/world/26may2018/ireland_yes.html (дата обращения: 30.09.2020).

²² См.: Романовская О. В., Рыжова А. А. Конституционная правосубъектность граждан в условиях развития биомедицинских технологий: монография. М.: Проспект, 2019. С. 75–76.

²³ См.: Середкина Е. В. Синтетическая биология и биохакинг как новый вызов для технаучки и социальной оценки техники // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 10. С. 267–269.

²⁴ Там же. С. 278.

При этом основу взаимовлияния всех перечисленных прав и биотехнологий составляет категория достоинства личности. Не случайно ч. 2 ст. 21 Конституции РФ, посвященной в целом достоинству личности, отдельно выделяет добровольное согласие на медицинские, научные и иные опыты. Еще более наглядно это демонстрирует Хартия Европейского союза об основных правах (2000), которая включает в раздел I «Достоинство», помимо собственно права на человеческое достоинство, также права на жизнь и на неприкосновенность (целостность) личности (the integrity of the person). Последнее право раскрыто в ст. 3 этой Хартии через право на уважение физической и психической неприкосновенности (п. 1) и через те положения, которые должны соблюдаться в области медицины и биологии. Наконец, и Конвенция о правах человека и биомедицине в качестве первоочередной цели защиты указывает достоинство (ст. 1).

Также в вопросах посмертного распоряжения органами или тканями главную роль играет категория достоинства, преобразующаяся, как это показал Конституционный Суд РФ (далее — КС РФ) в Определении от 4.12.2003 № 459-О, в достойное отношение к телу человека после смерти. При этом действующий УК РФ имеет возможности гибкого учета этих вопросов, устанавливая в ст. 244 ответственность за надругательство над телами умерших и оставляя судам право (и обязанность) оценить, приобретает ли то или иное обращение с телом общественно опасный, а потому преступный характер. Если вновь прибегнуть к историческому экскурсу, то можно вспомнить, что еще сравнительно недавно обычное для современной медицины вскрытие признавалось серьезным преступлением.

И не случайно специалистами отмечается, что «человеческое достоинство проникает в области современной биоэтики и биомедицины, когда обсуждается моральная (а не только правовая) легитимность эвтаназии (права на смерть), абортов или самоубийства, использования вспомогательных репродуктивных технологий и соматических прав (в том числе в отношении онкобольных)»²⁵. В связи с этим «признания, соблюдения и защиты со стороны государства требуют не любые и всякие проявления свободы личности, а только не противоречащие природе человека — физической, социальной и духовной — и соотносимые с его достоинством»²⁶.

Изложенное позволяет утверждать, что достижения биомедицины не порождают новое (четвертое или иное) поколение прав, но создают новые грани достоинства личности, новые формы его реализации, что необходимо учитывать и в сфере уголовного права.

2.2. Формирование и развитие конституционного статуса достоинства человека, по оценке Н. С. Бондаря, прошло три исторических этапа: 1) конституирование института достоинства человека как выражение неприкосновенности, недопустимости вмешательства в индивидуальную автономию личности; 2) универсализация концепции достоинства личности на уровне правового положения личности, обоснование достоинства в качестве основы и источника свободы, справедливости и прав человека; 3) наращивание нормативного содержания позитивными обязанностями государства по отношению к личности в соответствии с ее достоинством²⁷. Достоинство в конечном счете приобретает характер универсального конституционного принципа взаимоотношений личности с обще-

²⁵ Кравец И. А. Достоинство личности: Диалог теории, конституционных норм, международных регуляторов и социальной реальности // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 114.

²⁶ Джагарян А. Нравственная утопия современного конституционализма: государство и традиционные ценности в условиях глобализации. С. 68.

²⁷ См.: Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 23–24.

ством и государством²⁸. В частности, центральное звено современной доктрины верховенства права составляет понятие человеческого достоинства, которое конкретизируется через систему неотчуждаемых прав человека²⁹.

По оценке КС РФ, в публично-правовых отношениях личность выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов³⁰, в том числе по вопросам о пределах уголовно-правовых запретов, которые не могут произвольно ограничивать права граждан. Это вытекает из конституционной обязанности государства защищать права и свободы человека и гражданина³¹, причем не только от преступлений, но и от избыточных запретов.

В схожих целях в конституционном праве Германии используется категория «субъективные публичные права», которые представляют собой предоставленные индивиду на основании публичного права правомочия в целях реализации своих интересов требовать от государства определенного действия, дозволения или бездействия. Хотя такая система применяется преимущественно для оценки административных исков, основные права в ней являются правами «в высшей степени»³².

На уровне позитивного права государство должно стремиться к минимальному ограничению естественных прав³³, которые признаются основой построения всего уголовного законодательства³⁴ и одновременно лимитируют его, поскольку «криминализация того, что человек имеет по природе своей, — это нарушение принципов пропорциональности»³⁵.

Как отмечает Г. А. Гаджиев, структура института личных прав и свобод предполагает совокупность ряда элементов. Первый из них обеспечивает физическую неприкосновенность человека, второй — духовную неприкосновенность, а также честь и достоинство, третий — неприкосновенность частной и семейной жизни. Общей характеристикой всех личных прав является присутствие в их содержании такого важнейшего компонента, как неприкосновенность. Неприкосновенность означает, что отношения, возникающие в сфере частной жизни, не подвергаются интенсивному правовому регулированию³⁶. Сложность конкретизации условий (критериев) правомерности осуществления субъективного права наглядно проявляется по отношению к естественным правам, которые законодатель может ограничивать, но не способен создавать.

Достоинство личности сохраняется независимо от поведения лица. Даже самое строгое в системе применяемых уголовных наказаний — пожизненное ли-

---

²⁸ Там же. С. 22.

²⁹ См.: Зорькин В. Д. Цивилизация права: современный контекст // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 5. С. 3.

³⁰ Постановление КС РФ от 3.05.1995 № 4-П.

³¹ См.: Денисов С. А. Основные конституционные обязанности государства и их реализация // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 6. С. 12–19.

³² Хельге З. Субъективное публичное право: принципиальные вопросы // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 3. С. 34.

³³ См.: Зайцева А. М. Пределы ограничения права на жизнь // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 18. С. 5.

³⁴ См.: Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 1999. С. 174–175.

³⁵ Лазарев В. В. Ограничение права судебными решениями // Журнал российского права. 2018. № 6. С. 8.

³⁶ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина. М.: Норма: Инфра-М, 2013. С. 229. (Автор комментария к ст. 23 Г. А. Гаджиев.)

шение свободы — не может ограничивать достоинство. КС РФ уже рассматривал жалобу супругов (один из которых отбывал такое наказание) на препятствия в реализации личных прав, в том числе обусловленные отсутствием как длительных свиданий (в течение первых десяти лет), так и возможности применения вспомогательных репродуктивных технологий. В конечном счете для защиты прав как осужденного, так и его супруги была признана необходимость предоставления не менее одного длительного свидания в год³⁷.

И хотя достоинство преимущественно составляет сферу самоопределения личности, где чаще всего недопустимо государственное, тем более уголовно-правовое, вмешательство, однако в общественных отношениях, особенно в связи с вопросами применения биотехнологий, которые по своей сущности не могут реализовываться без помощи специалистов, оно порождает два круга вопросов, требующих внимания уголовного права.

2.3. Первый круг этих вопросов, более традиционный, предполагает установление уголовно-правовой охраны достоинства личности как в целом, так и в отдельных составляющих этого права.

В наиболее общей форме типовым нарушением может считаться оказание медицинской помощи или осуществление лечения без учета индивидуального выбора лица или его потребностей³⁸.

Применительно к уже апробированным медицинским технологиям особых сложностей в охране достоинства пациентов не возникает, хотя, конечно, есть и недостаточно урегулированные вопросы. Так, в отличие от зарубежного опыта³⁹, в российском законодательстве не очень четко регламентированы основания и порядок применения кратковременной фиксации, мер физического стеснения (по сути, привязывание пациента) не только в психиатрических стационарах, но и в отделениях реанимации, нейрохирургии, неврологии⁴⁰. Сохраняется, а с учетом развития телемедицины — повышается актуальность оценки фото- или видеосъемки в процессе оказания медицинской помощи.

Также в российском законодательстве необходимо разграничение ятрогенных и общеуголовных преступлений, например с выделением критериев квалификации действий, являющихся по своей сущности сексуальным преступлением, хотя и совершенным в процессе или под предлогом медицинского вмешательства⁴¹. В зарубежном законодательстве устанавливается повышенная ответственность за сексуальные преступления, совершенные в отношении пациентов лицами, оказывающими медицинскую помощь (ст. 102, 105 УК Турции, ст. 272.3 УК Австралии, ст. 205а Федерального УК Мексики), формулируется положение, исключающее медицинское вмешательство из понятий уголовно наказуемого изнасилования или сексуального проникновения (ст. 375 УК Индии, ст. 272.4 УК Австралии). По оценке КС РФ, критериями отграничения правомерно осуществляемой медицин-

³⁷ Постановление КС РФ от 15.11.2016 № 24-П.

³⁸ См.: *Васильева Т. А.* Конституционализация концепции достоинства человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4 (137). С. 105.

³⁹ См.: *Акимова Е. Я.* «Лишение свободы» в условиях лишения свободы: конституционные аспекты применения мер физического стеснения при оказании медицинской помощи (на примере практики Федерального конституционного суда Германии) // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 2. С. 33–38.

⁴⁰ См.: *Ржевская Н. К., Руженков В. А.* Законодательство о применении мер физического стеснения при оказании психиатрической помощи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация. 2014. № 24 (195). С. 103–111.

⁴¹ См.: *Щепельков В. Ф.* Когда медицинское вмешательство, а когда сексуальное преступление // Медицинское право. 2017. № 5. С. 50–54.

ской деятельности от запрещенных ст. 135 УК РФ развратных действий служат в числе прочего различные цели (медицинские в первом случае и сексуальные — во втором), подлежащие установлению с учетом фактических обстоятельств конкретного дела⁴².

В целом определяется преступность ненадлежащего оказания медицинской помощи⁴³, что связывается с невыполнением уголовно-правовой обязанности медицинского работника, составными частями которой служат воздержание от совершения активных действий, угрожающих правомерным интересам пациента, выполнение определенных действий, способствующих осуществлению правового статуса пациента⁴⁴. Как указал КС РФ, при оценке деяний, совершенных в связи с оказанием или не оказанием медицинской помощи, определяющее значение имеет применение в конкретном случае порядков ее оказания и ее стандартов⁴⁵.

Эти положения (о целях и стандартах) медицинской помощи одновременно направлены и на обеспечение интересов пациентов, и на исключение необоснованной уголовной ответственности медицинских специалистов. Вместе с тем до появления стандартов, протоколов применение новых биотехнологий может оцениваться с применением двух уголовно-правовых категорий: обоснованного риска и согласия потерпевшего. Для сравнения: Конвенция о правах человека и биомедицине определяет в качестве общего правила медицинского вмешательства согласие самого лица, которое может быть отозвано в любой момент без каких-либо препятствий (ст. 5).

При этом В. Н. Винокуров предлагает считать непроступным причинение вреда человеку с его согласия при трансплантации тканей или органов в рамках эксперимента⁴⁶. Однако очевидно, что и иные биотехнологии могут представлять потенциальный риск для здоровья, в том числе в силу своей новизны. Между тем ч. 3 ст. 41 УК РФ в качестве уголовно-правового предела риска определяет только опасность для жизни многих людей, угрозу экологической катастрофы или общественного бедствия.

Недостаточность действующего регулирования обстоятельств, исключающих преступность деяния, проявляется и применительно к относительно традиционным медицинским вмешательствам. Как отмечает А. Г. Блинов, уголовный закон наделяет медицинских работников правом на обоснованный риск и крайнюю необходимость⁴⁷. Однако операция по разделению сиамских близнецов, приводящая к закономерной гибели одного из них, не может оправдываться ни крайней необходимостью, ни обоснованным риском. По сути, эта этическая проблема сохранения одной жизни в ущерб другой остается за рамками правового поля.

Так, А. В. Малешина приводит пример решение суда британского города Бирмингем: этот суд дал согласие — вопреки воле родителей — провести подобную операцию, поскольку имеет место институт самообороны, хотя и в несколько из-

---

⁴² Определение КС РФ от 25.04.2019 № 1174-О.

⁴³ См.: *Щепельков В. Ф.* Ненадлежащее исполнение врачом своих профессиональных обязанностей при оказании медицинской помощи: проблемы уголовно-правовой оценки // Вестник Рос. прав. акад. 2017. № 2. С. 65–69.

⁴⁴ См.: *Блинов А. Г.* Значение уголовно-правового воздействия в здравоохранительном правоотношении // Право. Законодательство. Личность. 2015. № 1 (20). С. 69.

⁴⁵ Определение КС от 28.11.2019 № 3243-О.

⁴⁶ См.: *Винокуров В. Н.* Правовая оценка причинения вреда лицу с его согласия и критерии признания этого деяния непроступным // Современное право. 2013. № 12. С. 142.

⁴⁷ См.: *Блинов А. Г.* Значение уголовно-правового воздействия в здравоохранительном правоотношении. С. 71.

мененном виде⁴⁸. Для российского уголовного права, понимающего необходимую оборону как защиту от общественно опасного посягательства, видимо, исключена возможность распространения этого обстоятельства на анализируемую операцию.

Еще один пример, для которого определяющее значение имеет согласие женщины, — это противоправное прерывание беременности, которое может квалифицироваться по ст. 111 или ст. 123 УК РФ⁴⁹. Между тем в силу ч. 2 ст. 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство в отношении лица, не достигшего пятнадцатилетнего возраста, дает один из родителей или иной законный представитель. Тем самым медицинское право не наделяет несовершеннолетнюю в возрасте до пятнадцати лет возможностью выразить свое согласие о прерывании беременности. Однако можно поддержать авторов, которые, опираясь на положения ст. 22 Конституции РФ, приходят к выводу о наличии права подростка отказаться от аборта, поскольку «каждая женщина имеет право принимать самостоятельные решения по поводу действий в отношении своего тела»⁵⁰. Представляется, что и обратная ситуация, когда девушка в возрасте до пятнадцати лет дает без участия родителей согласие на незаконное проведение искусственного прерывания беременности, должна оцениваться с точки зрения ст. 123 УК РФ. Другими словами, право выразить согласие — даже и на запрещенные уголовным законом для иных лиц действия — принадлежит самой девушке, не достигшей пятнадцатилетнего возраста. Такое согласие, не исключая ответственность лица, вступившего в половое сношение или осуществившего незаконное искусственное прерывание беременности, учитывается в качестве признака добровольности, а не насильственности его преступления.

Соответственно, необходимо введение в уголовное право самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния, — согласия потерпевшего (с уточнением возможности его отзыва, делегирования или реализации через представителя, а также случаев смягчения ответственности), кроме того, конкретизация тех угроз, при которых риск применения биотехнологий не признается обоснованным.

2.4. Еще менее изучен второй аспект проблемы, связанный с оценкой возможных злоупотреблений достоинством. Даже В. И. Крусс, указывая на появление соматических прав, признает, что ими злоупотребляют наиболее часто⁵¹. При этом социально неодобряемые формы использования субъективного права, если они не затрагивают права других лиц или публичные интересы, не должны, как правило, влечь уголовной ответственности, хотя за отдельные формы самоповреждения в настоящее время установлена административная, а не уголовная ответственность. Например, потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ наказывается по ст. 6.9 КоАП РФ.

---

⁴⁸ См.: Малешина А. В. Преступления против жизни в странах общего права. М.: Статут, 2017. 480 с. (Цит. по: СПС «КонсультантПлюс».)

⁴⁹ См.: Винокуров В. Н., Федорова Е. А. Потерпевший от преступления как признак состава преступления: квалификация деяний, конструирование норм и пределы уголовной ответственности // Современное право. 2019. № 6. С. 111.

⁵⁰ Реймер Е. А. Несовершеннолетнее материнство: правовые аспекты // Социальное и пенсионное право. 2016. № 1. (Цит. по: СПС «КонсультантПлюс».)

⁵¹ См.: Крусс В. И. Философия современного конституционализма и проблема злоупотребления правом. С. 234.

Ранее к уголовно-правовым случаям правомерного осуществления субъективного права были отнесены самоуничтожение или повреждение своего здоровья⁵². Но более точно здесь можно говорить как об отсутствии выхода за пределы своего права, так и об отсутствии объекта уголовно-правовой охраны, поскольку уголовное право в основном не предназначено для защиты интересов человека от самого себя. Исключение здесь составляют случаи, когда подобное осуществление личного права дополнительно нарушает какие-либо юридические обязанности.

Как отмечает Е. В. Безручко, конституционное право на здоровье предполагает определенную свободу человека распоряжаться этим благом. Причинение вреда здоровью в процессе врачебной деятельности (направленной на спасение жизни, сохранение, восстановление и улучшение здоровья, то есть на достижение социально полезных целей), а также в социально индифферентных целях (косметические операции, изменение пола) не влечет уголовной ответственности, если операции проведены с согласия лица, осведомленного о возможных последствиях. Причинение вреда с согласия лица в социально опасных целях должно квалифицироваться по совокупности как причинение вреда здоровью и соучастие в преступлении этого лица (ст. 328–329 УК РФ)⁵³. Наиболее типична в этом смысле наказуемость по ст. 339 УК РФ уклонения военнослужащего от исполнения обязанностей военной службы путем причинения себе какого-либо повреждения (членовредительства).

Однако остается открытым вопрос об оценке проведения в тех же целях операции по смене пола. Не исключены и ситуации, когда изменение пола производится без установления диагноза «транссексуализм» в иных противоправных целях (для занятия проституцией и т. п.). Наличие спроса на подобные противоправные варианты использования биотехнологий закономерно ставит вопрос о деяниях, подлежащих криминализации.

Также возможны злоупотребления при использовании такой вспомогательной репродуктивной технологии, как суррогатное материнство, причем со стороны и суррогатной матери (в том числе по ее инициативе или неосмотрительности может быть прервана беременность)⁵⁴, и генетических родителей либо врачей. Это стало практической проблемой на фоне предъявления обвинения в торговле детьми врачам, участвовавшим в программах суррогатного материнства⁵⁵. Криминологи даже выделяют в отдельную группу преступления в сфере искусственной репродукции человека, не связанные с нарушением правил и стандартов оказания медицинских услуг⁵⁶.

Частную задачу образует анализ значения отказа лица от защиты своего достоинства, проявляющегося, к примеру, в отказе от медицинской помощи⁵⁷, если в результате отказа причинен вред объектам уголовно-правовой охраны. Представляется, что общие положения об оценке последствий использования субъек-

---

⁵² См.: *Тер-Акопов А. А.* Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003. С. 157.

⁵³ См.: *Безручко Е. В.* Уголовно-правовое регулирование пределов осуществления человеком своего субъективного права на здоровье // *Юристы-Правоведы*. 2008. № 5 (30). С. 30.

⁵⁴ См.: *Анисимов А. П., Мограбян А. С.* Договор о суррогатном материнстве в России и зарубежных странах // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. № 5. С. 123–124.

⁵⁵ URL: https://lenta.ru/articles/2020/07/21/torgovl_deti/ (дата обращения: 30.09.2020).

⁵⁶ См.: *Ищенко Е. П., Кручинина Н. В.* Преступления, совершаемые с использованием высоких технологий // *Всероссийский криминологический журнал*. 2019. Т. 13, № 5. С. 743.

⁵⁷ См.: *Щепельков В. Ф.* Всегда ли отказ больного от медицинской помощи исключает уголовную ответственность врача? // *Уголовное право*. 2016. № 3. С. 99–102.

активного права в основном применимы и к отказу от права, а оценке подлежат и сам отказ, и использование последствий такого отказа другими лицами.

Важными являются и понимание пределов делегирования своих прав, уголовно-правовая оценка злоупотребления делегированным правом.

Рассматривая вопрос об оценке эвтаназии как допустимой или как подлежащей уголовно-правовому запрету, Европейский суд пришел к выводу, что ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод не может наделять лицо правом на смерть от рук ли третьего лица или с помощью представителей публичной власти⁵⁸. Анализ смежной проблемы привел Федеральный конституционный суд Германии к выводу о том, что «право неродившегося ребенка на жизнь не может быть передано, даже на ограниченное время... пусть даже самой матери»⁵⁹. Соответственно, право на жизнь самого лица не может быть им никому передано. Во всяком случае даже предполагаемое право на прекращение собственной жизни имеет в высшей степени личный и неотчуждаемый характер, а потому не может осуществляться близким родственником или другим правопреемником тяжело больного человека⁶⁰. Соответственно, нельзя согласиться, что запрет эвтаназии выступает ограничением права на жизнь, ее имманентным пределом⁶¹. Это ограничение делегирования данного права.

Действительно, не может быть установлена уголовная санкция для неудачливого самоубийцы, действующего в пределах своего естественного права на жизнь, фактически отказывающегося от него, однако это не означает недопустимости запрета для фактических соучастников такого деяния, поскольку как раз им право этого субъекта не делегировано, а их умышленные действия направлены на причинение вреда другому лицу, пусть и опосредованно, его собственными усилиями. Именно поэтому законодатель был вправе расширить уголовную ответственность за склонение (фактически — подстрекательство) к самоубийству или содействие (представляющее собой, по сути, пособничество) ему (ст. 110¹ УК РФ).

Поскольку же рамки любого правового поведения гарантируют от излишнего вмешательства государства в деятельность субъектов права⁶², то необходимо определение водораздела между правомерными и запрещенными способами реализации своих субъективных прав. Это одновременно ограничивает законодателя от вмешательства в субъективную сферу личности (особенно в самостоятельно определяемое индивидом достоинство) и предупреждает выход гражданами за пределы своего субъективного права. Смещение же этой границы очень чувствительно, поскольку означает либо уменьшение объема прав личности, либо снижение уголовно-правовой охраны тех или иных объектов.

Задача уголовно-правового регулирования проявляется в обеспечении прав человека и гражданина на свободу и неприкосновенность от необоснованного применения мер уголовно-правового воздействия⁶³. При этом необоснованными следует считать не только возложение уголовной ответственности без основания, то есть при отсутствии в деянии признаков состава преступления, но и признание

---

⁵⁸ Постановление ЕСПЧ от 29.04.2002 по делу «Претти (Pretty) против Соединенного Королевства» (жалоба № 2346/02).

⁵⁹ Избранные решения Федерального конституционного суда Германии. С. 146.

⁶⁰ Постановление ЕСПЧ от 19.07.2012 по делу «Кох (Koch) против Германии» (жалоба № 497/09).

⁶¹ См.: *Панченко В. Ю., Шушпанов К. С.* Запрет эвтаназии: имманентный предел или ограничение права на жизнь? // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 66.

⁶² См.: *Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н.* Современная социология права: Учебник для вузов. М.: Юрист, 1995. С. 162.

⁶³ См.: *Кропачев Н. М.* Уголовно-правовое регулирование... С. 156.

преступным таких форм реализации достоинства в сфере биотехнологий, когда отсутствуют признаки очевидного злоупотребления.

В этой части, по оценке КС РФ, чрезмерная борьба законодателя против злоупотребления правом может приобретать характер санкции за использование своих прав и тем самым понуждать к отказу от них⁶⁴. Кроме того, КС РФ поддерживает и доктрину «охлаждающего (сдерживающего) эффекта» (chilling effect), применяемую в том числе ЕСПЧ, которая предполагает недопустимость введения ограничений или ответственности, если это может уменьшить стремление пользоваться тем или иным правом⁶⁵.

Соответственно, задача уголовного права в современных условиях не сводится только к уголовно-правовой охране достоинства личности, но предполагает установление для такого права уголовно-правовых гарантий.

В немногочисленных уголовно-правовых исследованиях категории гарантий определяются как императивные нормы, которые, действуя в режиме законности, обеспечивают либо непривлечение лица к уголовной ответственности, освобождение от нее или от наказания, либо невозможность назначения определенных наказаний или иных мер⁶⁶.

В общей форме дискреция законодателя в аспекте соотношения публичных и частных интересов может быть выражена формулой: «пределы свободы государства по ограничению, вмешательству в сферу поведения человека определяются гарантированными правами и свободами гражданина»⁶⁷. При этом меры уголовно-правовой охраны общественных отношений не должны приводить к разрушению данных отношений, умалению прав или абсолютизации одних интересов в ущерб другим. В конечном счете этот предел определяется конституционным балансом публичных и частных интересов, особенностями ограничиваемых прав и целями вводимых ограничений.

Применительно к появляющимся в связи с развитием биотехнологий формам реализации достоинства личности это означает четкое определение границы, с которой начинается уголовно-правовая охрана от злоупотребления, что во всяком случае является гарантией достоинства личности, поскольку предполагает непривлечение лица к ответственности за правомерное осуществление своих субъективных прав.

3. Развитие биотехнологий как фактор неопределенности в уголовном праве

В силу исключительной природы уголовного законодательства к нему предъявляются повышенные требования определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе общего правового регулирования⁶⁸. Однако развитие биотехнологий не только ставит новые задачи перед уголовным правом, но и порождает неопределенность в тех вопросах, которые к моменту разработки и принятия УК РФ уже казались разрешенными.

⁶⁴ Постановление КС РФ от 13.06.1996 № 14-П.

⁶⁵ Определение КС РФ от 5.12.2019 № 3272-О.

⁶⁶ См.: *Егорова Н. А.* Уголовно-правовые гарантии в механизме уголовно-правового воздействия // *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* 2016. № 3 (326). С. 185.

⁶⁷ *Микаутадзе С. Р.* Уголовно-правовой запрет в регулировании общественных отношений // *Научный портал МВД России.* 2013. № 4. С. 11.

⁶⁸ Постановление КС РФ от 27.05.2008 № 8-П.

3.1. Как отмечает А. М. Герасимов, процесс применения уголовного наказания, отражаясь на социальной стороне жизнедеятельности личности, не должен затрагивать свойственные человеку биологические качества⁶⁹. Однако сами эти признаки размываются современными биотехнологиями.

Так, ст. 57 УК РФ запрещает назначать пожизненное лишение свободы женщинам, а также мужчинам определенного возраста. КС РФ призвал это положение соответствующим принципу равенства всех перед законом и судом в силу обусловленности вытекающей из принципов справедливости и гуманизма необходимостью учета в уголовном законе социальных, возрастных и физиологических особенностей таких лиц в целях более полного и эффективного решения задач, которые стоят перед уголовным наказанием в демократическом правовом государстве⁷⁰. В свою очередь, ЕСПЧ отметил, что различия, основанные на признаке пола, требуют особо серьезных мотивов для оправдания и что ссылки на традиции, общие допущения или преобладающие общественные позиции в конкретной стране сами по себе не могут считаться составляющими достаточное оправдание для различия в обращении, а тем более сходные стереотипы, основанные на расе, происхождении, цвете или сексуальной ориентации. Вместе с тем ЕСПЧ не нашел оснований критиковать российского законодателя за установление освобождения определенных групп преступников от пожизненного лишения свободы⁷¹.

Однако за пределами судебного анализа остались случаи возможной коррекции пола после совершения преступления. Так, основное содержание гендерной революции образуют идеи разделения биологического и социального пола, самостоятельного выбора пола и равенства во всех сферах общественной жизни⁷². Как отмечает Ю. А. Акимова, концепция пола в разных культурах неодинакова, гендер используется для описания социально приобретенных характеристик женщин и мужчин, тогда как пол — для описания биологически предопределенных, однако принцип гендерного равноправия требует обеспечения защиты прав всех гендерных категорий⁷³. Известно, что в США суд разрешил осужденному Мэннингу сменить пол на женский, что не препятствовало продолжению отбывания наказания в виде длительного лишения свободы. По оценке Д. Г. Василевича, изменение половой принадлежности, в том числе когда этот процесс еще не завершен, должно влиять на пределы уголовной ответственности и на выбор вида исправительного учреждения⁷⁴. Однако им не предложены правила такой оценки.

Соответственно, имеется неопределенность в том, какой пол — биологический или юридический — должен учитываться судом при назначении наказания (особенно за совершение тех преступлений, за которое предусмотрено в числе прочего пожизненное лишение свободы) и при определении вида исправительного учреждения. С точки зрения гарантий достоинства личности необходимо считать основной гендерную самоидентификацию. Однако для нашей страны

---

⁶⁹ См.: Герасимов А. М. Нравственные начала уголовного наказания // Право. Законодательство. Личность. 2015. № 2 (21). С. 89–90.

⁷⁰ Постановление КС РФ от 25.02.2016 № 6-П.

⁷¹ Постановление ЕСПЧ от 24.01.2017 по делу «Хамтоху и Аксенчик (Khamtokhu and Aksenchik) против Российской Федерации» (жалобы № 60367/08 и 961/11).

⁷² См.: Краснов Ю. К. Гендерное неравенство в современном мире: По материалам исследования международных организаций // Право и управление. XXI век. 2019. № 2. С. 23.

⁷³ См.: Акимова Ю. А. Общепризнанный принцип равноправия полов с точки зрения гендерной теории // Российский юридический журнал. 2017. № 5. С. 32–33, 36.

⁷⁴ См.: Василевич Д. Г. Права и обязанности индивида при смене половой принадлежности // Вестник БарГУ. Серия: Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки. 2017. Вып. 5. С. 132–134.

ситуация осложняется преобладанием не камерной, а отрядной системы содержания осужденных в местах лишения свободы, поскольку в их коллективах зачастую придается повышенное внимание половым признакам.

В ближайшем будущем также может возникать необходимость учета генетического профиля обвиняемого при определении уголовно-правовых последствий преступления, назначении наказания или иных мер принуждения⁷⁵.

3.2. Развитие медицинских технологий, смещение критериев жизнеспособности недоношенных детей в меньшую сторону вновь возродило вопрос о моменте начала жизни и, соответственно, о моменте установления уголовно-правовой охраны этого права. При этом, несмотря на отдельные успехи выхаживания младенцев с массой менее 500 г, исход перинатальной помощи остается во многом вероятностным. И последние уголовные дела в отношении врачей показывают необходимость дальнейшего поиска баланса в сфере уголовно-правовой охраны права на жизнь недоношенного ребенка.

Обычно субъектом прав и свобод признается каждый конкретный человек с момента рождения, за которым признаются все неотъемлемые личные права, включая право на личную безопасность⁷⁶. Конечно, возможна абсолютизация естественного права на жизнь, признание моментом его возникновения момент зачатия, однако это требует криминализации аборта и привлечения к уголовной ответственности женщины и врача⁷⁷. Специалисты, признавая правовую неопределенность сложившейся ситуации, предлагают ввести норму о проведении реанимационных мероприятий для рожденных детей при сроке беременности до 23 недель только по воле родителей⁷⁸. Однако выхаживание таких детей, обеспечивая реализацию их права на жизнь, не гарантирует отсутствие отдаленного вреда здоровью, в настоящее время в настоящее время право может разрешить дилемму об оценке факта такого медицинского вмешательства только при помощи категорий согласия родителей и обоснованного риска.

3.3. Одновременно с неопределенностью момента начала жизни возникает и неопределенность применительно к ее окончанию. Современные технологии позволяют поддерживать жизнеспособность человека, находящегося в состоянии комы, длительный (в том числе многомесячный и даже многолетний) период времени. Конечно, разработаны Правила определения момента смерти, включающие и критерии ее установления⁷⁹. Однако в практике проявилась еще одна неожиданная проблема, связанная с темпоральными границами уголовных правоотношений.

Это можно проиллюстрировать примером, когда в результате ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей анестезиологом-реаниматологом, несвоевременно выявившим у несовершеннолетней пациентки гипоксию (остановку дыхания), следствием чего стало тяжелое поражение головного мозга,

---

⁷⁵ См.: Андреева О. И., Мацепуро Д. М., Ольховик Н. В., Трубникова Т. В. Уголовная юстиция в постгеномную эпоху: новые вызовы и поиск баланса // Вестник Томск. гос. ун-та. Право. 2020. № 35. С. 23–24.

⁷⁶ См.: Воронцова М. А. Право ребенка на личную безопасность как основа конституционно-правового статуса личности // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 5. С. 85–86.

⁷⁷ См.: Романовский Г. Б. О естественных правах человека // Гражданин и право. 2015. № 5. С. 24.

⁷⁸ См.: Коробеев А. И., Ширшов А. А. Критерии живорождения при определении жизни как объекта уголовно-правовой охраны // Lex russica. 2020. № 5. С. 70.

⁷⁹ Постановление Правительства РФ от 20.09.2012 № 950 «Об утверждении Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, Правил прекращения реанимационных мероприятий и формы протокола установления смерти человека».

формирование вегетативного состояния. После нахождения потерпевшей почти полтора года в состоянии комы наступила ее смерть. При этом в силу п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» срок давности исчислялся с момента совершения деяния. Отказывая в принятии к рассмотрению жалобы отца погибшей девочки, КС РФ указал, что разрешение вопроса об исчислении срока давности в конкретном уголовном деле относится к компетенции судов общей юрисдикции⁸⁰. Однако сама проблема сохраняется, поскольку в период нахождения потерпевшего в коме вопрос о последствиях остается неопределенным, без чего нельзя дать оценку общественной опасности деяния, а срок давности уголовного преследования истекает.

Но не только реанимационные технологии порождают неопределенность в оценке отдаленных уголовно-правовых последствий. Спустя значительный промежуток времени могут обнаруживаться забытые в теле пациента инородные предметы, факт замены дорогостоящего имплантата на дешевый (или даже некачественный, опасный) аналог и тому подобные нарушения.

Порождаемую неопределенность необходимо разрешить, уточнив, что срок давности уголовного преследования должен исчисляться с момента наступления (обнаружения) последствий, если само по себе деяние, не повлекшее таких последствий, не является преступлением.

3.4. Развитие технологий имплантирования влечет и еще одну проблему в Особенной части уголовного закона. В настоящее время в Медицинских критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, учитывается применительно к повреждению несъемных протезов зубов только по потере опорных зубов⁸¹. По смыслу этих же положений утрата съемных зубных протезов означает уничтожение имущества.

Появляющиеся технологии имплантирования искусственных, биопринтных⁸² и бионических органов или их частей затрагивают уже сейчас или могут затронуть в недалекой перспективе почти весь организм. Конечно, до вживления имплантатов они, видимо, должны рассматриваться в рамках отношений собственности, которая охраняется уголовным законом от таких деяний, как хищение, уничтожение, повреждение имущества. Однако их повреждение внутри человеческого организма в настоящее время порождает неопределенность и *de lege ferenda* требует оценки как преступления против личности (если для замены требуется проведение операции — как причинения тяжкого вреда здоровью).

Остается неопределенным правовой режим эмбрионов, донорской крови, иных биологических образований, отделенных от человека. Так, ведется дискуссия об отнесении эмбриона к категории субъекта или объекта права⁸³ либо о признании правосубъектности эмбриона иным образом (например, на опре-

⁸⁰ Определение КС РФ от 13.02.2018 № 248-О.

⁸¹ Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».

⁸² См.: *Аюшеева И. З.* Осуществление личных неимущественных прав при создании биопринтных человеческих органов // *Lex russica* (Русский закон). 2020. № 7. С. 24–33; *Богданов Д. Е.* Влияние биопринтных технологий на развитие гражданско-правовой ответственности // *Lex russica* (Русский закон). 2020. № 9. С. 88–99; *Ксенофонтова Д. С.* Правовое и биоэтическое изменение коммодификации человеческих, в том числе биопринтных, органов и тканей // *Lex russica* (Русский закон). 2020. № 9. С. 100–107.

⁸³ См.: *Ерохина Е. В.* Эмбрион в фокусе правового регулирования и судебной практики в Европейском союзе // *Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуально-го законодательства и практики его применения.* 2016. Т. 3. С. 88.

деленном этапе внутриутробного развития — после 12 недель⁸⁴ или после 8 недель, когда эмбрион приобретает черты человеческого организма и начинает называться плодом⁸⁵). Это не отменяет необходимости уголовно-правовой оценки и разрешения вопросов о допустимости криминализации похищения эмбрионов, неосторожного обращения, повлекшего гибель эмбрионов, а также о злоупотреблениях со стороны одного из родителей — после расторжения брака или гибели второго супруга. Так, в литературе анализируется случай проведения в период бракоразводного процесса искусственного оплодотворения на основе данного согласия супруга, что специалистами оценено как конфликт между правом женщины на деторождение и правом мужчины на отказ от него, определено как злоупотребление репродуктивными правами — принудительное отцовство⁸⁶.

В уголовном праве рассматривается как классическая проблема оценки отрезания длинной косы, с признанием как сложности отнесения ее к имуществу, так и невозможности квалификации подобного деяния в качестве хищения⁸⁷. Также, несмотря на наличие ст. 120 УК РФ, определяющей наказуемость принуждения к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, нет ответственности за принуждение к не образующему признаков причинения вреда здоровью донорству крови или тканей человека в иных целях (не для трансплантации).

В еще меньшей степени определены положения об оценке встречающихся на практике случаев неэтичного обращения с ампутированными частями человеческого тела или эмбрионами, что — по буквальному смыслу ст. 244 УК РФ — не может быть квалифицировано как надругательство над телами умерших, но по своей общественной опасности приближается к такому преступлению.

Даже после смерти человека правовой режим отдельных частей его тела не является полностью определенным, хотя, как показывает Т. А. Васильева, охрана достоинства личности должна осуществляться и после смерти⁸⁸. Так, КС РФ отказал в принятии к рассмотрению жалобы гражданина, указывавшего, что в конкретном деле человеческие костные останки (мощи) были отнесены к объектам гражданских прав, в то же время судья КС РФ Г. А. Гаджиев в своем Мнении отметил неопределенность ст. 128 ГК РФ в этой части⁸⁹.

Соответственно, необходимо и дальнейшее совершенствование уголовного закона по отношению к противоправным действиям с биопринтными и бионическими органами, эмбрионами, органами и тканями человека.

3.5. Обостряется вопрос и об охране тайны частной жизни в связи с развитием технологий определения генотипа человека. Но в данном случае не столько появляется новый объект общественно опасного посягательства — генетические данные⁹⁰, сколько генетическая информация включается в уже охраняемую уголовным законом сферу частной жизни, что решает проблему «недопущения

---

⁸⁴ См.: Федосеева Н. Н., Фролова Е. А. Проблема определения правового статуса эмбриона в международном и российском праве // Медицинское право. 2008. № 1. С. 36–39.

⁸⁵ См.: Гамбарян А. С., Абяян М. Н. Эмбрион — часть тела или отдельное тело // Двенадцатая годовичная научная конференция. Сборник научных статей: Социально-гуманитарные науки (Ереван, 4–8 декабря 2017 г.). Ереван: Изд-во Российско-Армянского (Славянского) ун-та, 2018. С. 283.

⁸⁶ См.: Романовская О. В., Рыжова А. А. Конституционная правосубъектность граждан в условиях развития биомедицинских технологий... С. 71–73.

⁸⁷ См.: Лопашенко Н. А. Преступления против собственности: теорет.-приклад. исслед. М.: ЛексЭст, 2005. С. 202.

⁸⁸ См.: Васильева Т. А. Конституционализация концепции достоинства человека. С. 104.

⁸⁹ Определение КС РФ от 24.06.2014 № 1350-О.

⁹⁰ См.: Карелин Д. В., Мацепуро Д. М., Селита Ф. Уголовно-правовая охрана генетических данных человека: к постановке проблемы // Вестник Томск. гос. ун-та. Право. 2018. № 29. С. 81–82, 86.

вовлечения в открытое информационное пространство данных о генетических признаках человека»⁹¹.

К тому же если существует уголовно-правовая охрана тайны усыновления, сегодня раскрываемая генетическим исследованием, то и информация о генетических признаках должна быть включена в защищаемую тайну частной жизни. Рекомендация № СМ/Рес(2019)2 Комитета министров Совета Европы «О защите информации, связанной со здоровьем» ориентирует государство на установление гарантий в отношении собранных генетических данных. В качестве таких гарантий КС РФ указал меры защиты частной жизни, чести и достоинства умершего и доброй памяти о нем, как и защиты прав и законных интересов его близких, отметив, что доступ к медицинской информации умершего может потребоваться членам его семьи в связи с реализацией ими своего права на охрану здоровья и медицинскую помощь (ч. 1 ст. 41 Конституции РФ), в частности при необходимости диагностирования и лечения генетических, инфекционных и иных заболеваний⁹². При таком понимании этой сферы уже и в настоящее время существует возможность применения ст. 137 УК РФ к случаям противоправного сбора или распространения генетической информации.

Кроме того, в силу ст. 155 УК РФ тайна усыновления (удочерения) является таковой для ребенка, но не для его приемных родителей. Вместе с тем КС РФ признал, что подобные сведения, хотя они и носят конфиденциальный характер, могут оказаться незаменимыми для раскрытия генетической истории семьи и выявления биологических связей, составляющих важную часть идентичности каждого человека, включая тайну имени, места рождения и иных обстоятельств усыновления, в частности при необходимости выявления (диагностики) наследственных заболеваний, предотвращения браков с близкими кровными родственниками и т. д.⁹³ Тем самым появление (точнее — признание государством) генетических и репродуктивных прав трансформирует и уголовно-правовую охрану этой сферы.

В целом имеется потребность дальнейшего совершенствования уголовно-правовых норм для снятия отмеченных аспектов неопределенности.

4. Векторы развития уголовного права в условиях прогресса биотехнологий

Исходя из положений Конвенции о правах человека и биомедицине (включая дополнительные Протоколы к ней), перед государствами возникают вопросы запрещения клонирования, торговли органами и тканями человека, отдельных нарушений при трансплантации органов и тканей при проведении биомедицинских исследований и генетических тестов. Такие запреты, в случае недостаточности норм биомедицинского права, могут конкретизироваться в уголовном законе, подкрепляясь соответствующими санкциями.

Признавая начало эпохи биотехнологической преступности, специалисты призывают бороться с нелегальным клонированием человека⁹⁴ или его репро-

---

⁹¹ Романовская О. В., Рыжова А. А. Конституционная правосубъектность граждан в условиях развития биомедицинских технологий... С. 95.

⁹² Постановление КС РФ от 13.01.2020 № 1-П.

⁹³ Постановление КС РФ от 16.06.2015 № 15-П.

⁹⁴ Ларина Е. С., Овчинский В. С. Криминал будущего уже здесь. М.: Книжный мир, 2017. С. 447–451.

дуктивной разновидностью⁹⁵, другими проявлениями современных технологий, которые представляются им общественно опасными. Оценка всех вариантов реализации уголовной политики в этом направлении требует развернутого анализа наличия основания (общественной опасности) и критериев криминализации конкретных деяний.

Например, КС РФ указал, что вопросы криминализации и пенализации общественно опасных деяний, нормативной дифференциации уголовной ответственности за их совершение относятся к дискреционным полномочиям федерального законодателя⁹⁶, который, несмотря на наличие достаточно широкой свободы усмотрения в этих вопросах, не только вправе, но и обязан предусмотреть эффективные меры публично-правовой ответственности⁹⁷. Помимо общественной опасности, признаки которой могут находить свое отражение в отдельных элементах состава преступления⁹⁸, следует учитывать масштаб распространенности и динамику роста таких деяний, значимость охраняемых законом ценностей, на которые они посягают, существенность причиняемого ими вреда, а также невозможность их преодоления с помощью иных правовых средств⁹⁹. По сути, здесь использованы положения теории криминализации, которые раскрываются через ее принципы и критерии, учитывающие в том числе и возможные негативные последствия введения новых запретов. Возможно, поэтому российский законодатель проявляет разумную сдержанность в вопросах введения ответственности за отдельные формы применения биотехнологий.

За рубежом уголовно-правовые средства в этом вопросе уже применяются. Так, Н. В. Кручинина, констатируя опасность злоупотреблений и позитивно оценивая опыт уголовного права Франции, предлагает определиться с видами юридической ответственности за нарушение запретов при использовании генетических технологий¹⁰⁰. В конце 2019 г. в Китае ученого осудили к лишению свободы за незаконное изменение генома эмбрионов¹⁰¹. По оценке В. В. Лапаевой, государства, не придерживающиеся жестких этико-правовых ограничений в сфере развития генно-инженерных технологий, могут получить стратегическое конкурентное преимущество¹⁰². Однако в 2020 г. Международная комиссия по клиническому применению генетического редактирования предложила 11 рекомендаций для Всемирной организации здравоохранения, предполагающих возможность разрешения в отдельных случаях такого вмешательства в клетки эмбрионов¹⁰³.

---

⁹⁵ См.: *Гурылева М. Э., Хамитова Г. М.* Этико-правовые проблемы клонирования человека // Казанский мед. журнал. 2019. Т. 100, № 6. С. 997; *Козаев Н. Ш.* Международные стандарты применения современных биотехнологий и их влияние на уголовное право России // Юридический вестник ДГУ. 2017. Т. 22, № 2. С. 72.

⁹⁶ Постановление КС РФ от 25.04.2018 № 17-П.

⁹⁷ Постановление КС РФ от 17.06.2014 № 18-П.

⁹⁸ Постановление КС РФ от 10.02.2017 № 2-П.

⁹⁹ Постановление КС РФ от 27.06.2005. № 7-П.

¹⁰⁰ См.: *Кручинина Н. В.* Право в обеспечении безопасности генетических технологий от их использования в преступных целях // *Lex russica* (Русский закон). 2020. № 8. С. 50.

¹⁰¹ URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e099a3d9a7947771edcfc46> (дата обращения: 30.09.2020).

¹⁰² См.: *Лапаева В. В.* От всеобщей Декларации о геноме человека к международно-правовому регулированию геномных исследований и технологий: идея и реальность // Государство и право. 2020. № 7. С. 56.

¹⁰³ URL: <https://www.nationalacademies.org/our-work/international-commission-on-the-clinical-use-of-human-germline-genome-editing> (дата обращения: 30.09.2020).

В целом по отношению к опасным или не рекомендованным биотехнологиям у уголовного права есть две возможности — ввести превентивный запрет либо дожидаться появления (проявления) их общественно опасных последствий. Однако история показывает, что уголовно-правовые средства сдерживания социально неодобряемых способов проявления достоинства личности, ее самоопределения (например, самоубийства, ненасильственного мужеложства, искусственного прерывания беременности) в конечном счете оказываются неэффективными и исключаются из законов большинства стран мира.

Конвенция о правах человека и биомедицине, создавая общие правовые рамки для биотехнологий, закладывает их фундаментом идею приоритета человека, интересы и благо которого превалируют над интересами общества или науки (ст. 2). Тем самым не следует устанавливать уголовную ответственность за такие разновидности использования биотехнологий, которые не образуют признаков злоупотребления и не свидетельствуют о достижении того уровня общественной опасности, который не может быть предотвращен существующими нормами медицинского права. В частности, это означает недопустимость введения составов биотехнологических преступлений с формальным составом. В качестве же криминообразующих признаков запрещаемых деяний могут быть как объективные характеристики (способ медицинского вмешательства, причиняемый вред), так и субъективные — мотив, цель (например, проведение операции по смене пола в противоправных целях).

Кроме того, не столь часто специалисты указывают на еще одну проблему: фальсификации данных клинических исследований¹⁰⁴ и результатов научных экспериментов. Это, наряду с мошенничествами при получении грантов, создает едва ли не большую опасность, чем результаты применения еще непроверенных биомедицинских технологий.

Соответственно, уголовное право не может вставать на пути научного прогресса, однако может поддерживать его и определять некоторые его границы, гарантируя внутри них достоинство личности.

5. Заключение

Проведенный анализ показывает, что задачу уголовного права в связи с развитием биотехнологий можно сформулировать как установление гарантий достоинства личности, для чего необходимо как совершенствование системы обстоятельств, исключающих преступность деяний, так и других институтов. В настоящее время биомедицина вносит в уголовное право аспекты неопределенности, которые могут быть сняты уточнением правил назначения наказаний, исчисления сроков давности, а также изменением круга объектов уголовно-правовой охраны. Криминализация отдельных разновидностей общественно опасных деяний должна быть научно обоснованной, учитывающей как векторы развития новых технологий, так и исторический опыт уголовной политики.

Статья поступила в редакцию 1 октября 2020 г.
Рекомендована к печати 15 февраля 2022 г.

---

¹⁰⁴ Абашидзе А. Х., Маличенко В. С. Проблемы международно-правовой квалификации нарушений прав человека фармацевтическими компаниями // Московский журнал международного права. 2014. № 2. С. 8.

Criminal law guarantees of human dignity and development of biotechnology

M. V. Arzamastsev

For citation: Arzamastsev, Maksim V. 2022. Criminal law guarantees of human dignity and development of biotechnology. *Pravovedenie* 66 (1): 19–42. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2022.102> (In Russian)

The article examines the impact of biotechnology progress on changing criminal law. The author concludes that somatic rights do not constitute a new generation of human rights but enrich the dignity of the individual. Due to the natural nature of these rights, they can only be regulated to a small extent by law, which also limits the possibility of imposing prohibitions. Criminal law must address the task of guaranteeing the dignity of the individual. There is a need for clearer regulation of circumstances that exclude the crime of an act, such as the consent of the victim and reasonable risk. Criminalization of biotechnology applications where there were no signs of abuse should be considered unreasonable. Scientific progress has created uncertainty in the application of certain rules of criminal law. This requires the improvement of sentencing rules and the calculation of the statute of limitations of criminal prosecution. The need to criminalize new types of acts against the person, to introduce responsibility for crimes against artificial organs, as well as organs and tissues separated from a person, was analyzed. Issues of criminal legal assessment of illegal acts with human embryos are considered. It was concluded that it is necessary to include genetic information in the area of privacy protected by criminal law. An analysis of the development vectors of criminal law shows the impossibility of effective deterrence by prohibitions of certain ways of self-determination of the individual. The Russian legislator in this matter shows reasonable restraint. When further improving the criminal law, it is unacceptable to use the design of formal offences. As criminal-forming signs of prohibited acts, there can be both objective characteristics (the method of medical intervention caused by harm) and subjective ones — motive, purpose (for example, performing a sex reassignment operation for unlawful purposes). This will allow criminal law not to stand in the way of biotechnological progress, helping medical legislation determine some boundaries. The article analyses the norms of criminal law, the provisions of international conventions, and the practice of constitutional proceedings.

Keywords: biotechnology, personal dignity, human rights guarantees, criminalization, somatic rights.

References

- Abashidze, Anna A., Solntsev, Aleksandr M. 2009. New generation of human rights: somatic rights. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* 1 (73): 69–82. (In Russian)
- Abashidze, Aslan Kh., Malichenko, Vladislav S. 2014. Problems of international legal qualification of human rights violations by pharmaceutical companies. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava* 2: 4–20. (In Russian)
- Akimova, Ekaterina Ia. 2019. “Deprivation of liberty” in conditions of deprivation of liberty: constitutional aspects of the use of physical restraint measures in the provision of medical care (on the example of the practice of the Federal Constitutional Court of Germany). *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiia* 2: 33–38. (In Russian)
- Akimova, Yuliia A. 2017. Universally recognized principle of gender equality in terms of gender theory. *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* 5: 29–41. (In Russian)
- Ananskikh, Igor A., Chernova, Olga Yu. 2013. Somatic rights in the human rights system. *Iuridicheskaiia nauka: istoriia i sovremennost'* 12: 11–17. (In Russian)
- Andreeva, Olga I., Matsepuro, Darya M., Olkhovik, Nikolay V., Trubnikova, Tatyana V. 2020. Criminal justice in the post-genomic era: new challenges and the search for balance. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* 35: 14–28. <https://doi.org/10.17223/22253513/35/2> (In Russian)

- Anisimov, Aleksey P., Mograbian, Armine S. 2020. Surrogacy Agreement in Russia and Foreign Countries. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* 5: 117–125. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.114.5.117-125> (In Russian)
- Ayusheeva, Irina Z. 2020. Personal Non-Property Rights Arising in Human Organs Bioprinting. *Lex Russica* 7: 24–33. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.164.7.024-033> (In Russian)
- Bezruchko, Evgenii V. 2008. Criminal law regulation of the limits of a person's exercise of his subjective right to health. *Iurist-Pravoved* 5 (30): 30–33. (In Russian)
- Blinov, Aleksandr G. 2015. The importance of criminal legal impact in public health. *Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost'* 1 (20): 67–72. (In Russian)
- Bogdanov, Dmitrii E. 2020. The Impact of Bioprinting Technologies on the Development of Civil Liability. *Lex Russica* 9: 88–99. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.166.9.088-099> (In Russian)
- Bondar, Nikolay S. 2017. Constitutional category of human dignity in value-based measurement: theory and court practice. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* 4: 19–31. (In Russian)
- Bytko, Yurii I. 2016. The basis of criminalization. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi iuridicheskoi akademii* 4: 189–194. (In Russian)
- Denisov, Sergey A. 2019. The main constitutional obligations of the state and their discharge. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* 6: 12–19. (In Russian)
- Dolin, Vyacheslav A. 2018. The concept of the “fourth generation of human rights”: attempt of philosophical and anthropological rationale. *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niia Ros. akad. nauk.* Vol. 18, iss. 4: 7–20. <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.4.720> (In Russian)
- Dzhagarian, Armen A. 2014. The moral utopia of modern constitutionalism: the state and traditional values in the context of globalization. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* 4: 57–74. (In Russian)
- Egorova, Natalya A. 2016. Criminal law guarantees in the mechanism of criminal law influence. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie* 3 (326): 172–195. (In Russian)
- Elected decisions of the Federal Constitutional Court of Germany*. 2018. Moscow, Infotropik Media Publ. 1028 pp. (In Russian)
- Erokhina, Elena V. 2016. Embryon in the focus of legal regulation and judicial practice in the European Union. *Sovremennye tendentsii razvitiia grazhdanskogo i grazhdanskogo protsessualnogo zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniia* 3: 88–93. (In Russian)
- Fedoseeva, Natalya N., Frolova, E. A. 2008. The problem of determining the legal status of an embryo in international and Russian law. *Meditsinskoe pravo* 1: 36–39. (In Russian)
- Gambarian, Artur S., Abelian, M. N. 2018. Embryo is a part of body or separate body. Dvenadtsataia godichnaia nauchnaia konferentsiia. *Sbornik nauchnykh statei: Sotsialno-gumanitarnye nauki*: 282–289. (In Russian)
- Gerasimov, Aleksandr M. 2015. Moral principles of criminal punishment. *Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost'* 2 (21): 89–91. (In Russian)
- Goncharov, Igor V. 2019. New vectors in the development of natural human rights. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii* 6 (74): 18–20. (In Russian)
- Guryleva, Marina E., Khamitova, Gulnara M. 2019. Human cloning ethical and legal issues. *Kazanski med. zh.* Vol. 100. 6: 992–1000. <https://doi.org/10.17816/KMJ2019-992> (In Russian)
- Helge, Zodan. 2019. Subjective public right: fundamental issues. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiia* 3: 33–38. (In Russian)
- Ishchenko, Yevgeny P., Kruchinina, Nadezhda V. 2019. High-tech linked crimes. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*. Vol. 13, 5: 740–746. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(5\).740-746](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(5).740-746) (In Russian)
- Karelin, Dmitry V., Matsepuro, Darya M., Selita F., 2018. Criminal legal protection of genetic data of the person: to statement of a problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* 29: 79–90. <https://doi.org/10.17223/22253513/29/7> (In Russian)
- Kazimirchuk, Vladimir. P., Kudriavtsev, Vladimir N. 1995. *Modern sociology of law: Textbook for universities*. Moscow, Iurist Publ. 297 pp. (In Russian)
- Kokambo, Yulia D. 2015. Somatic human rights as a new generation of individual rights. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* 68: 82–85. (In Russian)

- Korobeev, Aleksandr I., Shirshov, Aleksey A. 2020. Live Birth Criteria when Defying Life as an Object of Protection under Criminal Law. *Lex Russica* 5: 64–72. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.162.5.064-072> (In Russian)
- Kozaev, Nodar Sh. 2017. International standards for the application of modern biotechnology and their impact on the criminal law of Russia. *Iuridicheskii vestnik DGU*. Vol. 22. 2: 71–75. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2017-22-2-71-75> (In Russian)
- Krasnov, Yurii K. 2019. Gender inequality in the modern world. Based on the study of international organizations. *Pravo i upravlenie. XXI vek* 2: 21–28. <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2019-2-51-21-28> (In Russian)
- Krasova, Yelena. M. 2017. The Subject of Law in Technogenic Civilization in the Philosophy of V.Solovyov and I. Ilyin. *Vestnik MGOU. Seriya: Filosofskie nauki* 1: 96–103. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2017-1-96-103> (In Russian)
- Kravets, Igor A. 2019. Human Dignity: Dialogue of Theory, Constitutional Norms, International Regulators and Social Reality. *Zhurnal rossiiskogo prava* 1: 111–128. https://doi.org/10.12737/art_2019_1_8 (In Russian)
- Kropachev, Nikolay M. 1999. *Criminal law regulation. Mechanism and system*. St Petersburg, Saint Petersburg University Press. 260 pp.
- Kruchinina, Nadezhda V. 2020. Law in Ensuring the Safety of Genetic Technologies Against their Use for Criminal Purposes. *Lex Russica* 8: 47–53. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.165.8.047-053> (In Russian)
- Kruss, Vladimir I. 2000. Personal (“somatic”) human rights in the constitutional and philosophical-legal dimension: to the formulation of the problem. *Gosudarstvo i pravo* 10: 43–51. (In Russian)
- Kruss, Vladimir I. 2010. *Philosophy of modern constitutionalism. Filosofii prava v nachale XXI stoletiiia cherez prizmu konstitutsionalizma i konstitutsionnoi ekonomiki*. Moscow, Letnii sad Publ. 214–240. (In Russian)
- Ksenofontova, Daria S. 2020. Legal and Bioethical Changes in the Commodification of Human, Including Bioprinted, Organs and Tissues. *Lex Russica* 9: 100–107. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.166.9.100-107> (In Russian)
- Lapaeva, Valentina V. 2020. From the Universal Declaration on the human genome to the international legal regulation of genomic research and technology: idea and reality. *Gosudarstvo i pravo* 7: 53–61. <https://doi.org/10.31857/S102694520010680-9> (In Russian)
- Larina, Elena S., Ovchinskii, Vladimir S. 2017. *The crime of the future is already here*. Moscow, Knizhnyi mir Publ. 480 pp. (In Russian)
- Lavrik, Maksim. A. 2005. To the theory of somatic human rights. *Sibirskii iuridicheskii vestnik* 3: 16–26. (In Russian)
- Lavrik, Maksim A. 2006. Constitutional bases of somatic human rights: questions of the theory and practice of the foreign states. *Sibirskii iuridicheskii vestnik* 1 (28): 44–62. (In Russian)
- Lazarev, Valerii V. 2018. Limitation of the Right by Judicial Decisions. *Zhurnal rossiiskogo prava* 6: 5–16. https://doi.org/10.12737/art_2018_6_1 (In Russian)
- Lopashenko, Natalya A. 2005. *Crimes against property: theoretical and applied research*. Moscow, LeksEst Publ. 408 pp. (In Russian)
- Maleshina, Anastasya V. 2017. *Crimes against life in common law countries*. Moscow, Statut Publ. 480 pp. (In Russian)
- Mikautadze, Sergey R. 2013. The criminal legal prohibition in regulating social relations. *Nauchnyi portal MVD Rossii* 4: 10–14. (In Russian)
- Panchenko, Vladislav Yu., Shushpanov Konstantin S. 2013. Prohibition of euthanasia: the immanent, limit or restriction of the right to life? *Rossiiskii iuridicheskii zhurnal* 1: 66–74. (In Russian)
- Reimer, Ekaterina A. 2016. Minor motherhood: legal aspects. *Sotsialnoe i pensionnoe parvo* 1: 38–40. (In Russian)
- Romanovskaia, Olga V., Ryzhova, Anastasya A. 2019. *Constitutional legal personality of citizens in the conditions of development of biomedical technologies*. Monograph. Moscow, Prospekt Publ. 144 pp. (In Russian)
- Romanovskii, Georgii B. 2015. On Natural Human Rights. *Grazhdanin i pravo* 5: 14–28. (In Russian)
- Rzhevskaja, N. K., Ruzhenkov, V. A. 2014. Legislation on the use restraints during providing psychiatric care. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Meditsina. Farmatsiia* 24 (195): 103–111. (In Russian)

- Schepelkov, Vladislav F. 2016. Does refusal of medical care by a patient always exclude criminal liability of a doctor? *Ugolovnoe pravo* 3: 99–102. (In Russian)
- Schepelkov, Vladislav F. 2017. Improper performance physician professional duties in health care: the problem of the criminal law assessment. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii* 2: 65–69. (In Russian)
- Schepelkov, Vladislav F. 2017. Medical intervention or sexual assault. *Meditinskoe pravo* 5: 50–54. (In Russian)
- Seredkina, Elena V. 2015. Syntetic biology and Biohacking as a new challenge for technoscience and Technology Assessment. *Sotsialno-gumanitarnye znaniia* 10: 264–281. (In Russian)
- Starovoitova, Olga E. 2017. Somatic human rights — a new direction in legal science. *Teoriia gosudarstva i prava* 4: 79–81. (In Russian)
- Starovoitova, Olga E. 2006. *Legal mechanism for the realization and protection of somatic human and civil rights in the Russian Federation (historical, legal and theoretical analysis)*. Abstract thesis Doctor of Law. St Petersburg. 43 pp. (In Russian)
- Ter-Akopov, Arkadii A. 2003. *Crime and problems of non-physical causality in criminal law*. Moscow, Iurkniga Publ. 480 pp. (In Russian)
- Vasilevich, D. G. 2017. The rights and obligations of an individual when changing sex. *Vestnik BarGU. Serii: Istoricheskie nauki i arkheologiya. Ekonomicheskie nauki. Iuridicheskie nauki* 5: 130–135. (In Russian)
- Vasilieva, Tatiana A. 2020. Constitutionalization of the human dignity concept. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* 4 (137): 98–110. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2020-4-98-110> (In Russian)
- Vinokurov, Viktor N. 2013. Legal treatment of injurious actions with consent of sustain and recognition criteria of its non-criminal character. *Sovremennoe pravo* 12: 140–144. (In Russian)
- Vinokurov, Viktor N., Fedorova, Elena A. 2019. The victim of crime as a sign of the crime: the qualification of acts, the construction of norms and limits of criminal liability. *Sovremennoe pravo* 6: 110–118. (In Russian)
- Vorontsova, Madlena A. 2017. The child's right to personal security as the basis for constitutional-legal status of minors. *Problemy ekonomiki i iuridicheskoi praktiki* 5: 85–88. (In Russian)
- Zaitseva, Alla M. 2008. Limits to the limitation of the right to life. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo* 18: 3–10. (In Russian)
- Zorkin, Valery D. (ed.). 2013. *Commentary on the Constitution of the Russian Federation*. Moscow, Norma, Infra-M Publ. 1040 pp. (In Russian)
- Zorkin, Valery D. 2014. Civilization of law: modern context. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiia* 5: 1–15. (In Russian)
- Zorkin, Valery D. 2020. Providentia or about the law of the future in the era of digitalization. *Gosudarstvo i pravo = State and Law* 6: 7–19. <https://doi.org/10.31857/S013207690009932-7> (In Russian)

Received: October 1, 2020
Accepted: February 15, 2022

Maksim V. Arzamastsev — PhD of Law, Associate Professor, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; m.arzamastsev@spbu.ru